

Стереотип как институциональный ресурс политики памяти: случай российского поколения Z

Stereotype as an Institutional Resource of Memory Policy: the case of the Russian Generation Z

DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-4-62-71

УДК 32.019.5

Получено: 20.11.2023

Одобрено: 01.12.2023

Опубликовано: 20.12.2023

Поцелуев С.П.

Д-р полит. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», доцент.

e-mail: spotselu@mail.ru

Potseluev S.P.

Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Southern Federal University, Associate Professor.

e-mail: spotselu@mail.ru

Аннотация

Целью статьи является уточнение методологии изучения стереотипов, присущих диалекту памяти российского поколения Z, а также анализ стратегий (де-)конструирования этих стереотипов в оппозиционном либеральном дискурсе. Исходным *методологическим ориентиром* для автора служила трактовка стереотипов как «дискурсивных институтов». Этот подход конкретизируется в статье на основе вторичных данных, добытых социологическими опросами и лингвистическим анализом дискурса. В результате исследования автор приходит к *выводу*, что, во-первых, стереотипы играют главную роль в конструировании образа исторических эпох у самого молодого поколения россиян; во-вторых, наиболее важными для диалекта памяти поколения Z выступают сталинская и ельцинская эпохи; в-третьих, за толкование этих эпох ведется острая идеологическая борьба внутри российского общества; наконец, принципиальную роль в этой борьбе играет конструирование либо деконструкция стереотипов как элементов диалекта памяти поколения Z. Анализируя более подробно соответствующие стратегии российской либеральной оппозиции, автор подчеркивает ее стремление, с одной стороны, ослабить в сознании молодежи «простаалинские» (просоветские) стереотипы и, напротив, усилить «проельцинские», конструируя образ «славных» (а не «лихих») девяностых». В статье отмечается, что важную роль в этой работе со стереотипами играет эстетический опыт молодых как пространство легитимации власти на уровне теоретических утверждений в зачаточной форме.

Ключевые слова: стереотип, дискурсивный институт, поколение Z, диалект исторической памяти, исторические поколения, либеральная оппозиция.

Abstract

The purpose of the article is to clarify the methodology of studying stereotypes inherent in the dialect of memory of the Russian generation Z, as well as to determine strategies for their (de-)construction in the oppositional liberal discourse. The main methodological guideline for the author is the neoinstitutional approach to stereotypes, which is concretized based on secondary data from sociological and linguistic studies. As a result, the author comes to the conclusion that, firstly, stereotypes play a key role in constructing the image of historical epochs among the youngest generation of Russians; secondly, the Stalinist and Yeltsin epochs are the most important for the

dialect of memory of generation Z; thirdly, an acute ideological struggle is being waged within Russian society for the interpretation of these epochs; finally, the construction or deconstruction of stereotypes as elements of the dialect of memory of generation Z plays a crucial role in this struggle. Analyzing in more detail the relevant strategies of the Russian liberal opposition, the author emphasizes its desire, on the one hand, to weaken the «pro-Stalinist» (pro - Soviet) stereotypes in the minds of young people and, on the contrary, to strengthen the "pro-Yeltsin" ones, constructing an image of the «glorious (but not «dashing») nineties». The article notes that an important role in this work with the stereotypes is played by the aesthetic experience of young people as a space for legitimizing power at the level of theoretical statements in a rudimentary form.

Keywords: stereotype, discursive institution, generation Z, dialect of historical memory, historical generations, liberal opposition.

Введение

По данным социологических опросов последних лет, восприятие исторических эпох России самыми молодыми ее гражданами, так называемым «поколением Z», кажется парадоксальным: с одной стороны – рост симпатий к Сталину, а с другой – позитивная оценка ельцинской эпохи за «стабильность и уверенность в завтрашнем дне». Но об обеих этих эпохах нынешние 17-22-летние знают только из «вторых рук», а это значит, что в конструировании их образов прошлого своей страны принципиальную роль играют стереотипы. Эта роль требует специального исследования, для чего важно вначале осмыслить соответствующие теоретико-методологические аспекты. Данная статья будет посвящена этой теме, но, сверх того, автор задается более практическим вопросом о потенциале использования стереотипов исторической памяти поколения Z в контексте оппозиционного либерального дискурса современной России.

В своем понимании стереотипа автор будет отталкиваться от его липпмановского толкования как упорядоченного, сокращенного и упрощенного типа восприятия, конструирующего более или менее непротиворечивую картину мира, которая в социальной своей части выступает гарантией самоуважения человека, защищая его положение в обществе и выступая «бастионом» традиций [7].

Далее, трактовку стереотипа как дискурсивного института автор основывает на общей специфике современного (нового) институционализма, для которого «наиболее важным элементом при определении института являются не формальные структуры, правила и процедуры, а набор неких ценностей, на основе которых члены организаций принимают решения и строят свое поведение» [13, с. 221].

Что касается выражения «поколение Z», то под ним отечественные социологи понимают не всегда одно и то же. Но в любом случае, под ним подразумевается самое молодое историческое поколение России, хотя «историческое поколение» само по себе не совпадает по смыслу с понятием «возрастной когорты». В данной статье под «поколением Z» будут подразумеваться молодые люди, родившиеся примерно в 2000-е годы. В качестве важной отличительной черты этого поколения называется социализация в условиях стабилизации общества [18, с. 301]. Это поколение следует отличать от поколения «Y» или «миллениалов», родившихся преимущественно в период реформ (1982–1999 гг.) [16, с. 48-49].

Обзор научной литературы

В отечественной политологии есть известный дефицит работ, посвященных социальным стереотипам как фактору политической социализации, в особенности, в аспекте исторической памяти. Отчасти это связано с тем, что основные черты стереотипов нередко сводятся к примитивизации, типизации и некритичности восприятия [17, с. 320]. Эти свойства стереотипам, конечно, присущи, но важно не забывать также их конструктивно-креативные функции; стереотипы могут не только упрощать и сдерживать мысль, но также усложнять и развивать ее. Стереотипы креативны уже потому, что их «система, находящаяся в центре наших кодексов, определяет, какую именно группу фактов и в каком ракурсе мы увидим» [7,

с. 133-134]. Стереотипы настолько изобретательны, что могут не только запрещать что-то помнить, но и создавать людям воспоминания о событиях, ими не пережитых, принимать причину за следствие, рождать мистификации и пр. И все это вдобавок наполнять чувствами и страстями. Так стереотипы конструируют для нас мир, в котором мы можем не сойти с ума от перманентной турбулентности смыслов и почувствовать себя в безопасности.

Для понимания творческих потенциалов стереотипов необходима их когнитивная теория, подобная теории концептуальных метафор. Отечественные лингвисты движутся в этом направлении, сближая стереотип с понятием «конструкции» как особым фразеологическим оборотом, который является не застывшим языковым выражением, а «принципиально открытым инструментом конструирования новых смыслов» [2, с. 117]. К такой конструкции российский лингвист А.А. Бонч-Осмоловская относит как раз «эпитеты десятилетия» вроде «лихих девяностых». В сторону когнитивной теории стереотипа идет и понятие «когнитивных (ментальных) стереотипов», которые Е.Г. Малышева сближает с концептами, поскольку «именно в стереотипах отражается 'интерпретация' тех или иных базовых концептов, которая задается всей совокупностью бытовых, социально-экономических, социально-политических, исторических, природных, этнических, культурологических факторов» [10, с. 322].

В развитие такого подхода к стереотипам важно понимать их не только как концепты, но и как дискурсивные институты. Такая трактовка стереотипа не является чем-то абсолютно новым в научной литературе. В работах социологов можно встретить определение стереотипа как «социального института» [17, с. 320]; с другой стороны, социальный институт определяется как «способ передачи социальных стереотипов» [20, с. 282].

Заметим, что хотя стереотипы по способу их бытования вполне можно отнести к дискурсивным институтам, они отнюдь не бросают вызов пониманию институтов в «старом» (по выражению В. Шмидт) неоинституционализме, т.е. в институционализме рационального выбора, институционализме историческом, культурном и т.п. Стереотипы не оспаривают того, что институтам свойственно стабильное равновесие, зависимость от предшествующего пути развития и базовых социальных норм. Сверх того, для стереотипов оказывается несущественным различие между уровнями, типами и формами идей, о чем пишет американский политолог; стереотипы в равной мере присутствуют в политических, программных и философских идеях, причем как когнитивного, так и нормативного типа [21]. Но характерно, что среди форм идей, упомянутых В. Шмидт, нет стереотипов, хотя указаны нарративы, мифы, фреймы, коллективные воспоминания и др.

Методы исследования

Для научной оценки перспектив конструкции / деконструкции стереотипов в сознании российского поколения Z требуется адекватная методология при оценке состояния молодежного сознания. На наш взгляд, следует согласиться с критикой стремления отечественных социологов увековечить концепт «советского простого человека». Нынешнее поколение Z мыслит и ведет себя существенно иначе, чем как это внушает данный культурно-антропологический конструкт [16]. Рассматривать менталитет нынешних 18-24-летних как эффект «сохранения базовых институтов тоталитарного общества» [4] значит, помимо прочего, отдавать известную дань механистическим обортонам старого институционализма и недооценивать конструктивистский потенциал неформальных институтов, в том числе стереотипов политического дискурса.

В данной статье применяется неоинституциональный подход к трактовке стереотипов, точнее, его дискурсивная разновидность. С учетом этого уточнения, неоинституциональный подход побудил автора использовать также элементы дискурс-анализа, прежде всего, при обсуждении вопроса о перспективах (де-)конструкции стереотипов восприятия исторических эпох в молодежном сознании.

Трактовка стереотипов как *социальных* институтов углубляет понимание их фундаментальной роли в институциональных изменениях в том или ином обществе. Определение же стереотипов именно как *неформальных дискурсивных* институтов облегчает

их понимание как одновременно структур и конструкторов, т.е. понимание того, что стереотипы, как и прочие дискурсивные институты, обеспечивают более динамичный и ориентированный на акторов подход к институциональным изменениям [21, р. 305]. К примеру, отторжение и последующую трансформацию формальных институтов невозможно понять, если не принимать во внимание разрушение (либо сохранение) тех или иных идеологических (в широком смысле) стереотипов, обеспечивающих восприятие формальных институтов как легитимных.

Хотя данная статья относится скорее к типу «обобщающих», чем «исследовательских», она опирается на вторичные данные, полученные с применением социологических и лингвистических методов.

Результаты исследования

Стереотипы, прежде всего, незаменимы для формирования идентичности социальных общностей, включая отдельные поколения. А формирование идентичности любого поколения по определению невозможно без соответствующей исторической памяти. Можно сказать, что каждое поколение владеет тем, что вслед за Ю.М. Лотманом можно назвать «частным диалектом памяти» [8, с. 200], в котором стереотипы, поняты как дискурсивные социальные институты, играют принципиальную роль.

Мемориальный диалект составляет память о совместно (в историческом времени) пережитых аналогичных значимых событиях. Но у молодого поколения, в особенности его представителей, переживающих период «формативных» лет (т.е. примерно в 17-25 летнем возрасте, когда у людей наиболее активно формируется мировоззрение из-за большой восприимчивости к социальным изменениям), этот диалект находится в процессе становления, и здесь на многое можно повлиять в пользу тех или иных политических стратегий. Это объясняется не только спецификой возраста (гибким мышлением), но и особенностями социальной коммуникации в эпоху новых медиа. Специфику этой коммуникации российский социолог В. Радаев метко назвал «раздерганностью сознания», которая возникает из-за взаимного «наложения разных форм коммуникации», затрудняющего концентрацию усилий для реализации долгосрочных и сложных стратегий поведения [16, с. 174].

Это коллажно-клиповое сознание адекватно дискурсу постправды, оно больше ценит конструкт и нарратив, чем аргумент и факт, включая исторический факт. Но чем больше постправды в дискурсе, тем сильнее там стереотип. Это подтверждают и данные соцопросов. В свежем исследовании ВЦИОМ молодежь 18-24 лет чаще других возрастных когорт не только заявляла, что «скорее не интересуется историей своей страны, чем интересуется», но и соглашалась с мнением, что «написание истории – это бесконечный процесс, исторические события должны переосмысливаться» [15]. Но характер такого переосмысления непосредственно зависит от того, какие стереотипы уже вошли в сознание людей, и прежде всего – людей молодых.

Вдобавок, надо иметь в виду, что российское поколение Z – это молодежь, формативные годы которой располагаются вблизи переломного в политическом отношении 2014-го. От того, как оценивают и будут оценивать этот исторический период нынешние 18-24-летние, многое будет зависеть в будущем страны, когда эти люди займут ключевые позиции в разных сферах общества. Окажутся ли они относительно нынешнего политического курса России его «верными продолжателями» или новыми «шестидесятниками», или еще кем-то? Ответ на этот вопрос в существенной мере формируется сейчас. Поэтому за оценки исторического прошлого российским поколением Z в настоящий момент идет серьезная (хотя и не всегда видимая) идейно-политическая борьба внутри российского общества.

Наиболее «горячими» точками этой борьбы выступают сталинская и ельцинская эпохи. Особое место этих эпох в коллективной памяти россиян согласуется с данными лингвистических и социологических исследований. Так, по результатам корпусного анализа конструкции эпитетов десятилетий, проведенного А.А. Бонч-Осмоловской, 1990-е годы

отнесены к «сверхэмоциональной модели», а 1930-е и 1940-е – к «эмоционально нагруженной модели», хотя более близкие к современности 1960-е – к модели «нейтральной» [2, с. 127].

Социологические центры, как известно, регистрируют в последние годы существенный рост позитивных оценок фигуры Сталина среди россиян, в том числе молодых. Опрос ВЦИОМ 2017 г. обнаружил не только 62% респондентов, согласных с установлением памятников Сталину, но и тот факт, что при этом «активнее других ‘за’ по всем вопросам высказывается молодежь» [12]. Опросы Левада-Центра¹ также фиксируют резкий рост числа респондентов в возрасте 18-24 годов, поддерживающих установку памятника Сталину [19].

При росте симпатий к Сталину среди самых молодых российских граждан одновременно наблюдается их амбивалентное отношение к эпохе Ельцина. К фигуре самого первого президента российская молодежь в возрасте 18-23 лет относится с такой же (небольшой) долей симпатии, что и поколение 25-39-летних (11 и 10% соответственно). А вот период 1990-х годов юные россияне оценивают гораздо более позитивно (это, кстати, подтвердил и наш опрос 2019 г. среди студентов южнороссийских университетов [5, с. 161]). Причем уровень симпатии к ельцинской эпохе у представителей поколения Z существенно выше даже в сравнении с когортой 25-39-летних [11].

Любопытен, однако, не только этот уровень, но и мнение респондентов о том, что именно в ельцинской эпохе им нравится. Согласно результатам проведенного в 2021 г. опроса Левада-Центра, среди позитивных итогов лет правления Ельцина россияне (а среди них большинство в данном случае составляли самые молодые) прежде всего называли: «стабильность, уверенность в завтрашнем дне, работа, улучшение материального положения, низкие цены, жить было проще, хорошо жили, порядок» (19%), «экономическое развитие, рыночная экономика, бизнес, перспективы развития, рост, появились продукты, закончился дефицит» (18%), «свобода, демократия, гласность, перестройка» (16%), «развитие страны, восстановление государства, не развалил Россию, вел страну вперед, реформы» - 10 %. А вот «открытые границы, поездки за рубеж» отметили лишь 2 % респондентов [11]. Для поколения нынешних отцов и дедов, переживших «лихие 90-е», это кажется парадоксом, если не абсурдом. Но, очевидно, поколение Z оценивает эту эпоху существенно иначе, чем старшие поколения. И главную роль в этой оценке играют уже стереотипы, «легенда об историческом периоде» (по выражению Ю. Левады), а не личный опыт. Поэтому идентификация, политическая интерпретация и – что не менее важно – анализ способов формирования (конструирования и деконструкции) этих стереотипов (особенно в сознании 18-24 летних) составляет важную задачу политической науки.

Но это является и острым идейно-политическим вопросом современной России. Протестная мобилизация самых молодых россиян является стратегической целью оппонентов существующей в России системы власти. В условиях относительной экономической и формально-институциональной стабильности важным ресурсом оппозиционной политической мобилизации выступает работа с неформальными институтами, в частности, со стереотипами молодежного сознания. Так, разрушение стереотипа о «лихих девяностых» стало одним из идеологических проектов либеральной оппозиции в России, причем стало, как минимум, с начала 2010-х годов. По словам О.Ю. Малиновой, специально проанализировавшей конструирование памяти о реформах 1990-х гг. в отечественном идеологическом дискурсе 2000-х годов, и «правые», и «социальные» либералы России (соответственно, «Союз правых сил» и «Яблоко») акцентировали преемственность «девяностых» и «нулевых», хотя сегодня «бинарная оппозиция ‘девяностых’ и ‘нулевых’ вполне отражает конфигурацию общественного мнения» [9, с. 92]. Действительно, стереотип «лихих девяностых», сформировавшийся в 2000-2010-х годах, ныне приобрел статус дискурсивного института. Однако вывод о том, что либералы 2000-х годов, отвергая оппозицию «плохих девяностых» — «хороших нулевых», «не стремились формировать

¹ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

ностальгический образ 'славных девяностых'» [9, с. 101], видимо, для либерального дискурса 2010-х годов уже нуждается в уточнении.

Разумеется, для обоснования этого уточнения надо принимать во внимание не только дискурс либеральных партий, но и настроения в их социальном базисе. По крайней мере, на эту мысль наводят высказывания участников беседы о «лихих 90-х» в журнале «Сноб». Негативный образ этого времени в общественном сознании трансформируется здесь в нарратив о «поразительной и удивительной эпохе 90-х годов», где «начинались совершенно невероятного эпохального значения процессы», в ходе которых вместо «так называемого советского человека» возник «другой, уже не советский и не постсоветский человек»; это был «мощный период деидеологизации», в ходе которого «складывается буфер против деспотии государства» и вообще царит «такая беспрецедентная свобода созидания, чего вообще никогда не было в российской истории» [14]. А все плохое в этой чудной эпохе, из-за чего ее прозвали в народе «лихой», представлено, по мысли участников упомянутой беседы, «в сегодняшнем руководстве страны. Вот они и есть 'лихие 90-е'» [14]. Таким образом, стратегическая цель такого толкования памяти о 1990-х – создать в рамках молодежного мемориального диалекта комплекс позитивных стереотипов о ельцинской эпохе и направить его против «идеологии путинизма».

В публикациях «Сноба» просматривается любопытная программа деконструкции стереотипа «лихие девяностые» именно в сознании поколения Z. Прежде всего, это дискредитация идеологических (в широком смысле) источников, подпитывающих стереотип о «лихих 90-х». К этому относится, например, «разоблачение» фильма А. Балабанова «Брат» как «иллюстрации господствующего в умах мифа о 'лихих 90-х' (с этого фильма и началась его кристаллизация)» [3]. Одновременно ставится цель – путем эстетически привлекательных и популярных для молодых мероприятий (флэшмобы и фестивали вроде «Острова 90-х» под эгидой Ельцин Центра) – сгенерировать симпатии к ельцинской эпохе на уровне чувств («выбрать сердцем»). Надо, чтобы молодые через участие в разного рода перформансах почувствовали «драйв» 1990-х, сформировали у себя их эстетическое приятие, соответствующий стереотип, который «начинают действовать еще до того, как включается разум» [7, с. 110]. А нужные слова и аргументы подтянутся позже на эстетически подготовленную почву: «в какой-то момент нужно искать каких-то более серьезных специалистов, которые действительно могут поговорить о том, что мы потеряли в 90-е и что получилось» [14]. Таким образом, художественная (прежде всего, музыкальная) культура, по-видимому, рассматривается либеральной оппозицией как один из важнейших инструментов протестной политической мобилизации в современной России. Аналогичное можно было наблюдать и в позднем СССР.

Заметим, что музыкальная культура выступает не простым аксессуаром политической власти, а весьма значимым моментом ее легитимации, особенно для молодых. Неслучайно авторы «Социального конструирования реальности» располагают поэтично-дискурсивные практики на втором уровне легитимации социальных порядков, а именно, на уровне «теоретических утверждений в зачаточной форме» [1, с. 155]. Причем как раз эта зачаточность открывает пространство для манипуляций со стереотипами – подобно тому, как из стволовой клетки можно вырастить любую специализированную клетку организма. Как это работает в случае альянса рока и политики, блестяще пояснил в своей (во многом покаянной) статье 2006 г. поэт Илья Кормильцев, выступая как бы от имени всего «русского рока». Он признал превращение рок-музыки в один из «инструментов разрушения Советской империи», но в моральное оправдание «русского рока» сделал заявление, звучащее ныне по-особому актуально: «... мы утешали себя тем, что сами не лжем. *«Мы ждем перемен»* – разве это не так? *«Скованные одной цепью»* – разве это не очевидно? *«Твой папа – фашист»* – а кто же он еще? Мы были слишком наивны, чтобы понимать: будущее принадлежит тому, кто владеет монополией на интерпретацию настоящего. *«Мы ждем перемен»*, – пел Цой, а какой-нибудь Черниченко объяснял каких именно. *«Скованные одной цепью»*, — пели мы, а какой-нибудь Коротич объяснял, что речь идет о шестой статье Конституции. *«Твой папа – фашист!»* –

вещал Борзыкин, а «Новый мир» объяснял: да, таки фашист, потому что в детстве плакал, узнав о смерти Сталина» [6]. По сути, под упомянутыми «серьезными специалистами» участники беседы в журнале «Сноб» подразумевали обновленные идеологические версии Черниченко, Коротича, Борзыкина для российского поколения Z. Но, чтобы эти версии заработали, либеральной оппозиции в России понадобится новый Горбачев.

Выводы

Внимание к стереотипам является ключевым в исследовании образов исторических эпох у поколения Z, которое вынуждено ориентироваться на стереотипы за неимением собственной живой памяти о соответствующем прошлом. Помимо дефицита собственного опыта переживания реалий прошлых эпох, роль стереотипов в конструировании образа этих эпох усиливает коллажно-клиповая «раздерганность» сознания и дискурс постправды в условиях новых медиа.

Трактовка стереотипа как «когнитивной» (концептуальной) модели и дискурсивного института дает возможность углубить понимание природы стереотипов как конструкторов исторической памяти, способных играть существенную роль в легитимации и делегитимации существующих политических порядков. Согласно данным социологических и лингвистических исследований, наиболее эмоционально современными россиянами воспринимаются, как минимум, две эпохи: сталинские 1930-40-е и ельцинские 1990-е, и за оценку этих эпох молодым поколением в российском политикуме наблюдается идеологическая борьба. Она ведется в рамках различных политик памяти, выражающихся, помимо прочего, в попытках конструировать либо деконструировать соответствующие стереотипы, обретшие прочность социальных институтов.

Разрушение существующих стереотипов и культивирование новых может иметь не меньший субверсивный эффект, чем попытки открытой критики власти. В отношении диалекта памяти молодых россиян со стороны либеральной оппозиции решается двуединая задача: с одной стороны, деконструкция стереотипов, генерирующих симпатии к Сталину и советской эпохе в целом; с другой – конструирование и пропаганда стереотипов, идеализирующих «лихие девяностые», ельцинский период отечественной истории.

Для определения вектора либеральной политики (де-)конструкции стереотипов восприятия россиянами (в особенности, поколением Z) исторических эпох своей страны необходимо расширить объект анализа за пределы официального партийного дискурса в сторону художественных, в особенности музыкальных текстов (в широком смысле этого слова).

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (Государственное задание в сфере научной деятельности, проект № FENW-2023-0059, тема: *«Когнитивно-ценностная структура мировоззренческих моделей современного россиянина: поколенческие и региональные различия»*).

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. (Трактат по социологии знания). М.: «Асэйеггна-Центр», «Медиум», 1995. 323 с.
2. Бонч-Осмоловская А. А. Имена времени: эпитеты десятилетий в Национальном корпусе русского языка как проекция культурной памяти // Шаги/Steps. 2018. № 4. С. 115-146. DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-3-115-146.
3. Бояринов Д. Где твои крылья? За что можно любить 90-е // Сноб. 18.09.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/selected/entry/97616/> (дата обращения: 15.11.2023).
4. Гудков Л. Д. Повесть о советском человеке // Ведомости. 2016. 28 декабря. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/28/671519-povest-osovetskom> (дата обращения: 15.11.2023).

5. *Константинов М. С. и др.* Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов: монография / М. С. Константинов и др. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. 282 с.
6. *Кормильцев И.* Великое рок-н-рольное надувательство-2. Часть первая // Агентство Политических Новостей. 20.06.2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.apn.ru/publications/article9874.htm?ysclid=lp8izx1rbw570125112> (дата обращения: 15.11.2023).
7. *Липпман У.* Общественное мнение. М.: Ин-т Фонда «Обществ. Мнение», 2004. 384 с.
8. *Лотман Ю. М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200-202.
9. *Малинова О. Ю.* Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг. // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 3. С. 91-105. DOI: 10.31429/26190567-20-3-91-105
10. *Мальшева Е. Г.* Лингвокогнитивный анализ дискурса: понятийно-терминологический аппарат исследования // Stylistyka XXIII. Dyskurs i styl – Discourse and Style. 2014. С. 319-327.
11. Отношение к Борису Ельцину, к его эпохе, к Ельцин-Центру // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. 03.02.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2023/02/03/otnoshenie-k-borису-eltsinu-k-ego-epohe-k-eltsin-tsentr/> (дата обращения: 15.11.2023).
12. Память о Сталине: за и против. Аналитический обзор // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 20.07.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamyat-o-staline-za-i-protiv> (дата обращения: 15.11.2023).
13. *Питерс Б. Г.* Политические институты: вчера и сегодня // *Политическая наука: новые направления* / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. С. 218-232.
14. *Прохорова И.* 1990-е: опыт свободы // Сноб. 06.09.2015. URL: <https://snob.ru/selected/entry/98811/> (дата обращения: 15.11.2023).
15. Путешествие по отечественной истории // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 27.03.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otchestvennoi-istorii> (дата обращения: 15.11.2023).
16. *Радаев В.* Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
17. *Саакян А. К.* Социологическое исследование социальных стереотипов как поведенческого регулятора молодежи // Проблемы социально-экономического развития: поиски, перспективы, решения. Сб. статей. № 1 (2). Ереван: ЕФ РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2019. С. 318-328.
18. *Сибирев В. А., Головин Н. А.* Межпоколенческие различия в удовлетворенности жизнью и чувстве счастья в России (на материалах Европейского социального исследования) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 296-315.
19. Сталин-Центр и памятник Сталину // Левада-Центр. Аналитический Центр Юрия Левады. 15.08.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2021/08/04/stalin-tsentr-i-pamyatnik-stalinu/> (дата обращения: 15.11.2023).
20. *Якушнова Е. Г.* Медицинские стереотипы и их формы выражения в культуре // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 1А. С. 278-285.
21. *Schmidt V. A.* Discursive institutionalism: The explanatory power of ideas and discourse // Annual Review of Political Science. 2008. Vol. 11. P. 303-326.

References

1. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. (Traktat po sotsiologii znaniya)*. [The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge]. Moscow, «Asayeggna-Center», «Medium» Publ., 1995, 323 p. (In Russian).
2. Bonch-Osmolovskaya A.A. Imena vremeni: epitety desyatiletii v Natsional'nom korpusse russkogo yazyka kak proektsiya kul'turnoy pamyati [Names of time: Epithets of decades in the Russian National Corpus as a projection of cultural memory]. *Shagi* [Steps], 2018, I. 4, pp. 115-146. DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-3-115-146 (In Russian).
3. Boyarinov D. Gde tvoi kryl'ya? Za chto mozžno lyubit' 90-e [Where are your wings? For what you can love the 90s] *Snob* [Snob]. 18.09.2015. Available at: <https://snob.ru/selected/entry/97616/> (Accessed: 15.11.2023). (In Russian).
4. Gudkov L. D. Povest' o sovetskom cheloveke [The Story of a Soviet man] *Vedomosti*. 2016. 28 dekabrya [Vedomosti 2016. December 28]. Available at: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/28/671519-povest-osovetskom> (Accessed: 15.11.2023). (In Russian).
5. Konstantinov M. S. et al. *Kognitivno-ideologicheskie matritsy vospriyatiya studentami Yuga Rossii sovremennykh sotsial'no-politicheskikh krizisov: monografiya* [Cognitive-ideological matrices of students' perception of modern socio-political crises in the South of Russia: monograph]. Rostov-na-Donu; Taganrog, Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta Publ., 2021, 282 p. (In Russian).
6. Kormil'tsev I. Velikoe rok-n-roll'noe naduvatel'stvo-2. Chast' pervaya [The Great Rock and Roll Hoax-2. Part One] *Agentstvo Politicheskikh Novostey* [Political News Agency]. 20.06.2006. Available at: <https://www.apn.ru/publications/article9874.htm?ysclid=lp8izx1rbw570125112> (Accessed: 15.11.2023). (In Russian).
7. Lippman U. *Obshchestvennoe mnenie* [Public Opinion]. Moscow, Institut Fonda «Obshchestvennoe Mnenie» Publ., 2004, 384 p. (In Russian).
8. Lotman Yu. M. Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii [Memory in cultural illumination]. *Lotman Yu.M. Izbrannye stat'i* [Lotman Yu. M. Selected articles], V. 1, Tallinn, 1992, pp. 200-202. (In Russian).
9. Malinova O. Yu. Konstruirovaniye smyslovykh ramok pamyati o reformakh 1990-kh gg. v liberal'nom diskurse 2000-kh gg. [Framing Memory about the Reforms of the 1990s in the Liberal Discourse in the 2000s.]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 2019, V. 20, I. 3, pp. 91-105. DOI: 10.31429/26190567-20-3-91-105. (In Russian).
10. Malysheva E. G. Lingvokognitivnyy analiz diskursa: ponyatiyno-terminologicheskiy apparat issledovaniya [Discourse analysis: linguistic and cognitive concepts and terminology unit studies]. *Stylistika XXIII. Dyskurs i styl – Discourse and Style*, 2014, pp. 319-327. (In Russian).
11. Otnoshenie k Borisu El'tsinu, k ego epokhe, k El'tsin-Tsentru [Attitude to Boris Yeltsin, to his era, to the Yeltsin Center]. *Levada-Tsent. Analiticheskiy tsentr Yuriya Levady* [Levada Center. Analytical Center of Yuri Levada]. 03.02.2023. Available at: <https://www.levada.ru/2023/02/03/otnoshenie-k-borису-eltsinu-k-ego-epohe-k-eltsin-tsentru/> (Accessed: 15.11.2023). (In Russian).
12. Pamyat' o Staline: za i protiv. Analiticheskiy obzor [The memory of Stalin: pros and cons. Analytical review] *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya (VTsIOM)* [All-Russian Center for the Study of Public Opinion]. 20.07.2017. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamyat-o-staline-za-i-protiv> (Accessed: 15.11.2023). (In Russian).
13. Piters B. G. Politicheskie instituty: vchera i segodnya [Political institutions: yesterday and today]. *Politicheskaya nauka: novye napravleniya / pod red. R. Gudina i Kh.-D. Klingemanna* [A New Handbook of Political Science / ed. by R. Goodin and H.-D. Klingemann]. Moscow, Veche, 1999 Publ., pp. 218-232. (In Russian).
14. Prokhorova I. 1990-e: opyt svobody [The 1990s: the experience of freedom]. *Snob* [Snob]. 06.09.2015. Available at: <https://snob.ru/selected/entry/98811/> (Accessed: 15.11.2023). (In Russian).

15. Puteshestvie po otechestvennoy istorii [A journey through Russian history]. *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya (VTsIOM)* [All-Russian Center for the Study of Public Opinion]. 27.03.2023. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otechestvennoi-istorii> (Accessed: 15.11.2023). (In Russian).
16. Radaev V. *Millenialy: Kak menyaetsya rossiyskoe obshchestvo* [Millennials: How Russian society is changing]. Moscow, Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki Publ., 2019, 224 p. (In Russian).
17. Saakyan A. K. Sotsiologicheskoe issledovanie sotsial'nykh stereotipov kak povedencheskogo regulatora molodezhi [A sociological study of social stereotypes as a behavioral regulator of youth]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: poiski, perspektivy, resheniya. Sb. statey.* [Problems of socio-economic development: searches, prospects, solutions. Collection of articles], no.1 (2). Erevan: EF REU im. G.V. Plekhanova Publ., 2019, pp. 318-328. (In Russian).
18. Sibirev V. A., Golovin N. A. Mezhpokolencheskie razlichiya v udovletvorennosti zhizn'yu i chuvstve schast'ya v Rossii (na materialakh Evropeyskogo sotsial'nogo issledovaniya) [Intergenerational differences in life satisfaction and happiness in Russia (based on the materials of the European Social Research)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Public opinion monitoring: Economic and social changes], 2020, I. 1, pp. 296-315. (In Russian).
19. Stalin-Tsentr i pamyatnik Stalinu [Stalin Center and monument to Stalin]. *Levada-Tsentr. Analiticheskiy Tsentr Yuriya Levady* [Levada Center. Analytical Center of Yuri Levada]. 15.08.2023. Available at: <https://www.levada.ru/2021/08/04/stalin-tsentr-i-pamyatnik-stalinu/> (Accessed: 15.11.2023). (In Russian).
20. Yakukhnova E. G. Meditsinskie stereotipy i ikh formy vyrazheniya v kul'ture [Medical stereotypes and their forms of expression in culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and civilization], 2018, V. 8, I. 1A, pp. 278-285. (In Russian).
21. Schmidt V. A. Discursive institutionalism: The explanatory power of ideas and discourse, *Annual Review of Political Science*, 2008, V. 11, pp. 303-326.